

«Плачет дождь, а я не плачу. Я — прощаю...». Где-то на самой первой ступеньке весны в застывшей, невероятно немой тишине размышлений, я почувствовала необходимость очиститься от суетной мрази, измучившись в противоречии между духовным и материальным, между желанием жить и опасностью окончательно сломаться и умереть. И тут случилась встреча с актрисой. С актрисой, которая потрясающе узнаваема во всем большом советском кинематографе. Да, узнаваема и любима такой, какая есть, или же вовсе не любима из-за, присущей только ей, склонности к недипломатичности, способности, если уж рассмеяться — то рассмеяться, от души и заразительно, если уж выразиться — то выразиться достаточно ясно и убедительно. Передо мной, во все не поклонницей ее таланта, и перед зрительской публикой, пришедшей на встречу со своей любимицей в зал Кыргызфилармонии хмурым мартовским вечером, — явилась пленительная Людмила Гурченко. Пленительная не потому даже, что кинозвезда — не признать это почти невозможно, — сыгравшая добрую дюжину замечательных ролей («Старые стены», «Пять вечеров», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Сибиряда»...), потрясающих женских судеб, драматически выверенных жесткой жизненной и личного опыта правдой. Не потому, что умеет жить в согласии с «секретом молодости», подаренным ей могучей, колоритной личностью отца, и являющимся неумолимым диктатором каждого попутного или непопутного дня. А, скорее, потому, что, будучи уничтоженной злой волей после звездного дебюта в «Карнавальная ночь», по сей день в творчестве и по жизни «летит», и, как сказала актриса, «в своем полете я — одна». Похоже, актриса стала особенно близкой тому, кто может так же лететь в одиночку, отрешившись от слепого, рабского чувства стадности, и бросившись, при том не потеряв головы, в полное неожиданностей и печальных противоречий море судьбы. Но в противоречии — правда. Людмила Гурченко правдива на экране и рискнула остаться правдивой в жизни.

Подумалось мне, что и умению противостоять обстоятельствам, сильному личностному заряду выучилась Людмила в «школе» отца. Дилеммы — кем стать? какую профессию выбрать? — не существовало. Едва успев родиться, Люся (да простит мне эту вольность Л. Гурченко) уже стояла на «колесах» актерской судьбы: в 17 лет, впервые, оставив родной Харьков, прихватив с собой аккордеон (какая же артистка без аккордеона!), Людмила приехала в далекую, загадочную Москву.

— Сколько актеров и актрис выплескивает ежегодно из своих стен институт кинематографии! Где они все? Совсем немногие снимаются в кино — бывает 2-3 человека с целого курса! Остальные — идут своей дорогой, кто по одному пути, кто — по другому, кто — по третьему. Почему? Я считаю, не каждому дано пронести себя на одном дыхании — через весь съемочный период, подъемы ранним утром, ожидания... Через испытания духа... А ощущение того, что ты прочно встал и стоишь на стезе кинозвездной славы, эфемерно. Случается так, что сегодня — ты все, а завтра — никто! Выстоишь и, слава Богу! А нет — туда и дорога.

— Актерская судьба индивидуальна, но начинается она у всех одинаково. Проходит время, а мир не переворачивается.

После «Карнавальная ночь» был ошеломительный успех. И верилось, так будет всегда. Но... Следующий фильм особого значения в моей актерской судьбе — «Старые стены» — снят через 17 лет. А в середине — поиски, пробы, отчаяния, угасание надежд. Я 10 лет не работала. Выходила в массовках, озвучивала их. Меня забыли так, что я была нигде и никак. Перечеркнуть все бывшее — к этому я пришла не сразу. Новый старт — мучительный путь. Теперь точно знала, рецепт один — работать. Маленькая роль, эпизод, одна реплика — пусть! Пела в концертах, сама писала песни...

Мне никогда никто не помогал, никто меня не двигал, не поддерживал. Были, конечно, приятельские, добрые отношения, которые я ценила. И ценю. Но я давно существую одна, расчет только на себя и свои силы. Когда началась перестройка, я несколько лет не работала...

С какими режиссерами интересно работать? Понимаете, тут обычно говорят, все режиссеры, с которыми посчастливилось работать, прекрасны. Да, прекрасны. Но есть такие, с которыми

необычайно легко, с ними не надо много говорить, а просто живешь в одном измерении. Тыходишь в роль — и все. И живешь ею до последней минуты съемок. Режиссеры и артисты — это не то, что самые близкие друзья, — должны быть желанными и обязательно загадочными, без этого я не сыграю роль. У меня нормальные отношения с Михалковым, Рязановым...

Никита Михалков, как актер, Олег Борисов — прекрасны, я говорю о душе, когда намагничено все вокруг, легкое прикосновение — и уже летишь...

— Какие роли Вам больше по душе — музыкально-комедийные или драматические!

Людмила Гурченко:

ПОЛЕТ В ОДИНОЧЕСТВЕ

Молодежная газета — Бишкек — 1992 — 8 апр. — с. 11

— Вместе с успехом в «Карнавальная ночь» за мной немедленно закрепилось амплу музыкально-комедийной актрисы. Все были уверены: раз Гурченко — значит, пение, улыбка, хорошее настроение... Все сразу же забыли, что в институте я играла серьезные драматические роли.

Мне интересны важные вопросы в жизни — нравственные, духовные. Во время путча в Москве, все эти дни я ощущала катарсис, к сожалению, ничего не изменилось... Так хочется пробудить в зрителях равнодушие, духовность, любовь к людям... В процессе игры интересно, когда органично перемежается драматическое, глубокое и легкое, музыкальное. Думаю, только через музыку, только через музыкальную драматургию я могу играть понастоящему драматические роли...

— Людмила, что Вы ощущаете в стране под названием Содружество Независимых Государств!

— Развал государства — фантастически интересное дело по тому признаку, как выявляется «кто есть кто». Разорены крупные государственные киностудии. Возникла масса маленьких студий. Все озабочены — деньги, деньги, деньги... Кругом один только бизнес! Но кино-то нет. Кто видит коммерческую кинопродукцию? Где она? Кто продает, а кто покупает? Музыкальный развлекательный комедийный фильм «Моя морячка» появился тоже не от хорошей жизни, от нищеты нашей. Там моя музыка, мои костюмы. Сюжет незатейливый, о работе массовика-затейника в парке культуры и отдыха. Вы отдохнете, посмотрев его. Что делать? Этот фильм — попытка жить и выживать в новых условиях. Я не понимаю, когда одни выживают за счет других для себя, забывая о духе творчества, о человеколюбии. И я понимаю, что Михалков сделал, создав «Товарищество», — во благо многих других, чтобы они имели возможность работать.

В Америке много средних профессиональных артистов, и их не знают. У них кинематограф держат два-три имени: Джек Николсон, Пол Ньюмен, Аль Пачино... Как им это удается при бизнесе?

Наша формация гибнет, она не может уже существовать. Сейчас вырастает поколение актеров более цинич-

ное, более прагматичное... Они не понимают, что такое плакать! На съемках он сидит и читает детектив, а в эпизоде смерти вдруг испуганно вспоминает, что он — артист... Сгореть на костре — это совсем другое. То, чем я теперь с вами живу. Эмоции для актера — то, чем должно потрясти и перевернуть зрителя.

Одна из первых моих картин «Гулящая» снята на украинской студии. Я училась в украинской школе, украинский язык мне, как родной. Я приезжаю туда, и не могу... поехать: у меня нет талонов. Когда это было?

только-только, а я в зале — трепещу: о-о-о! — это эротика...

Эротика — прелюдия любви. У каждого она своя, у каждого она звучит по-своему — именно это интересно. А половой акт у всех одинаков.

— В каких фильмах Вы снялись в последнее время!

— За последние два года я снялась в семи картинах: «Белые одежды», в фильме из серии «Виват, гардемарини!», «Моя морячка», «Секс-сказка»...

— Была ли такая роль, сыграв которую, Вам захотелось бы жить!

— Нет.

— Хотелось бы Вам сыграть заново какую-либо из своих героинь!

— Каждую роль перевернешь — она не сыграна. Я помню и люблю всех своих героинь. В будущую роль я хочу вложить новое состояние души. Здесь

ничего придумывать не надо. Надо пробовать, вспоминать, сопоставлять... Что-то взять из вчерашнего, сделать сегодня — и пойти в завтра.

— Каковы впечатления от кыргызского кино, если оно Вам знакомо! От природы, земли нашей, которая встретила Вас!

— Чтобы не спутать, Шамшиев — ваш? Вот! «Белый пароход» — замечательная картина. «Прощай, Гульсары!», «Тополек...» — мне очень нравятся фильмы-экранизации произведений Айтматова.

У вас островок особой земли. Все, что я видела, забываемо. Еще не ушла зима. Серые дома, серые деревья, очень добрые люди. Ягнята... И я не могу, уже плачу. Что-то есть в этом, я испытываю такие чувства, которые передать сложно.

— Есть ли у Вас близкие друзья, подруги!

— Мои близкие друзья — для меня яркие личности. Одна моя подруга, она — математик, фантастически умная женщина, тонкая, интеллигентная, живет в Харькове. С ней мы часто говорим по телефону, часами говорим и прекрасно понимаем друг друга. Другая живет в Москве — инженер, тоже большая умница, прекрасный человек.

— Какие черты характера Вам помогают в жизни! Какие — мешают!

— Помогают: самостоятельность, свобода и незакомплексованность ни в чем. Мешают нервы, раздражительность, недипломатичность.

У меня в работе — полутона, а в жизни мой прямой язык — все равно, что враг мой. Не прощаю предательства, и сама не продаю. Я, если что-то обещаю, то делаю.

— В чем Ваш секрет молодости!

— Секрет молодости перешел ко мне от отца, страстно любящего жизнь. Будьте к самим себе самокритичны, очень требовательны и даже жестоки. Почаще оглядывайте себя в зеркале, не забывая заглядывать внутрь.

Я верю только в себя. Верю в человеческое достоинство, вне комплексов. В человека, который на своем месте. Каждый человек должен делать свое дело.

Ну, а мечтаю я о чем?

Чтобы все у нас было! Чтобы радовались мы жизни, улыбкой светились наши лица. Знаете, оптимист — это хорошо информированный пессимист. Хочется сказать словами одной из моих героинь: «Поверьте в себя, вы талантливы!». В каждом человеке скрыт талант, откройте его сами! Желая всем добра и счастья!

— «Сгореть на костре — это совсем другое». Выбор сделан. Людмила Гурченко — народная артистка Советского Союза, актриса, певица, танцовщица, сочинительница — выбрала нас, зрителей.

«Я давно существую одна, в полете — я одна». Значит, одиночество во имя других? Во имя тебя, меня, вот его, третьего, пятого. Выходит, только наша признательность, наша ответная зрительская, человеческая любовь — точка в бурной, смятенной биографии актрисы? Кто знает, да и кого удивишь нынче одиночеством, когда бываешь одинок не только в противоречии с реальностью, но и с самим собой. Как ни странно, иные, может быть, и Людмила Марковна Гурченко, черпают силы для полета в чем-то таком, похожем на излом, в трагическом противоречии судьбы. Может быть, это и неправда. Но это — правда.